HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	«Тигр, заколотый гусиным пером». Казус западносибирского генерал-губернатора князя П.Д. Горчакова
Author(s)	Ремнев, Анатолий
Citation	Acta Slavica Iaponica, 27, 55-75
Issue Date	2009
Doc URL	http://hdl.handle.net/2115/39582
Type	bulletin (article)
File Information	ASI27_003.pdf

Instructions for use

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Acta Slavica Iaponica, Tomus 27, pp. 55–75

«Тигр, заколотый гусиным пером». Казус западносибирского генерал-губернатора князя П.Д. Горчакова

Анатолий Ремнев

Сибирская часть биографии одного из редких «долгожителей» на генерал-губернаторском посту князя П.Д. Горчакова не отмечена ни громкими победами, ни реформаторскими достижениями. Однако в ней удивительным образом переплелись уникальность и типичность регионального управления, отразились многие существенные черты положения генерал-губернатора в административной структуре Российской империи. Казус князя П.Д. Горчакова, в контексте азиатской «географии власти»,[1] предоставляет замечательную возможность увидеть, как функционировал личный представитель монарха в ситуации сибирского «пограничья», каковы были повседневные имперские практики, столь далекие от правовых норм и регламентированных действий. В данной статье я стремлюсь показать ограниченность институциональной истории генерал-губернаторской власти, попытаюсь выявить круг акторов с которыми высшему административному лицу края приходилось взаимодействовать и конкурировать, выяснить причину, почему ни одному из западносибирских генерал-губернаторов первой половины XIX в. не удалось выстроить надежных отношений с Петербургом и его формальными и неформальными агентами в регионе? Речь пойдет прежде всего о центральных ведомствах и их сибирских агентах, ревизорах, жандармах и декабристах, присутствие которых создавало ситуацию неустойчивости института генерал-губернаторов в Сибири, в условиях ее превращения в своего рода «внутреннюю окраину» империи. Отсутствие дворянских сословных органов, как это было во внутренних губерниях, или влиятельных купеческих кланов, как это было в XVIII и начале XIX в. в Иркутске, или национальных элит Кавказа или Туркестана, определяло особую ситуацию в Омске, где доминирующую роль играли военные и чиновники, а также внедренные в их среду группы сохранивших родственные и дружеские связи со столичной аристократией политических ссыльных.

1 О понятии «география власти» см.: A. Remnev, "Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power (The Nineteenth and Early Twentieth Centuries)," in Jane Burbank, Mark von Hagen, and Anatolyi Remnev, eds., *Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930* (Indiana Univ. Press, 2007), pp. 425–454. Краткий очерк административной политики в отношении Сибири в первой половине XIX в. см.: Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. Гл. 3.

Переплетение домодерных и модерных практик в «технологиях» имперской власти, запутанность отношений генерал-губернатора и местных агентов центральных ведомств были той главной причиной, которая сможет придать историческим частностям глубинный смысл, позволит понять, как бюрократизация и правовая институционализация окраинного управления империи приходила в противоречие с персонализированной по своей природе генерал-губернаторской властью, что было характерно для так называемых «присутственных обществ».[2] А главное, поможет приблизиться к пониманию, почему империя так и не смогла преодолеть этого противоречия?

Царское «alter ego», или «положение хуже губернаторского...»

«Власть губернатора вообще растет в прямом отношении расстояния от Петербурга, – со знанием дела писал А.И. Герцен, – но она растет в геометрической прогрессии в губерниях, где нет дворянства, как в Перми, Вятке и Сибири».[3] Признавая несомненную справедливость этого наблюдения и чрезвычайный характер власти сибирских генерал-губернаторов, нельзя видеть в них лишь всемогущих «царских сатрапов», чем в известной мере грешила дореволюционная, а в еще большей степени советская историческая литература. Реальное положение генерал-губернатора в системе сибирского управления второй четверти XIX в. трудно для описания и понимания, – региональному главе приходилось действовать в неясно очерченном правовом поле, лавируя между императором, источником его власти и усиливавшими влияние на окраинах министерствами.[4] Положение осложнялось наличием разного рода вневедомственных акторов, что окончательно запутывало ситуацию, и ставило генерал-губернатора перед трудно решаемой задачей сохранения своей власти.

Ключевым в «треугольнике»: император – министры – генерал-губернатор, разумеется, являлось отношение генерал-губернатора к монарху. Неясность управленческого статуса генерал-губернатора может быть объяснена самой природой его полномочий, которые были своего рода «делегацией» (поручением) верховной власти, что, скорее, может

---

2 *Баберовски Й.* Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи // Ab Imperio. 2008. № 3. С. 75–76.

3 *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1975. Т. 4. С. 229.

4 Подробнее об этом см.: Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001. Т. 1; *Ремнев А.В.* Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 52–66. См. также: *Мацузато К.* Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004.

быть описано, как «институт самодержца» с его «личными агентами»,[5] нежели рационально организованный механизм взаимодействия главы государства с подчиненными ему сотрудниками. Не случайно, нового генерал-губернатора сам император подробно инструктировал, лично давал наставления, которые в начале XIX в. могли иметь особую юридическую форму «наказа» (нередко, секретного), а генерал-губернаторы на монарших аудиенциях стремились заручиться не просто высочайшей поддержкой, но и получить одобрение программы своих действий. Не случайно, как это было в случае графом М.С. Воронцовым, Николай I называл кавказского наместника своим «*alter ego*».[6] Д. ЛеДонн, проанализировавший проекты преобразования генерал-губернаторского управления начала XIX в., пришел к выводу, что правительственные реформаторы так и не смогли выйти за пределы московско-имперской, воеводско-наместнической традиции, натолкнувшись на непреодолимое препятствие генетической связи императорской и генерал-губернаторской власти.[7]

После неудачных попыток институциализировать генерал-губернаторское управление в рамках децентрализационных проектов начала XIX в. к концу царствования Александра I, как признавали уже имперские юристы, «от софизма о пресловутом отделении власти управления от власти надзора отказались, и генерал-губернаторы стали открыто признаваться полномочными правителями».[8] Сверхправовая природа генерал-губернаторской власти, делегированной с высоты престола, отсутствие регулярного и четко отлаженного надзора центра, воспроизводили, по образцу самодержца, своего рода патриархальный, «домашний» вариант управления, где, по определению М.М. Сперанского, самовластие сочеталось с послаблением. Как заметил позднее в это связи министр внутренних дел П.А. Валуев, что он, как министр, действует «comme le fait un gouvernement régulier, а наши генерал-губернаторы любят действовать comme un gouvernement personnel».[9] Широко известно выражение М.С.

---

5 G. L. Yaney, *The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905* (Urbana, 1973); *Мустонен П.* Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования самодержца 1812–1858. К типологии основ имперского управления. Хельсинки, 1998. С. 275–277.

6 Воспоминания М.П. Щербинина // Русский архив. 1876. Кн. 3. С. 301.

7 J. P. LeDonne, "Frontier Governors General 1772–1825," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 1 (1999), pp. 56–81; 2 (2000), pp. 161–183; 3 (2000), pp. 321–340; idem, "Russian Governors General, 1775–1825: Territorial or Functional Administration?" *Cahiers du Monde russe* 42:1 (2001), pp. 5–30; idem, Administrative Regionalization in the Russian Empire, 1802–1826," *Cahiers du Monde russe* 43:1 (2002), pp. 5–34. См. также: *Долбилов М.Д.* Рождение императорских решений: Монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. М., 2006. Т. 9 (127).

8 *Соколов К.* Очерк истории и современного значения генерал-губернатора // Вестник права. 1903. Кн. 7. С. 178.

9 Цит. по: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1906. Кн. 20. С. 53.

Воронцова: «Если бы здесь было нужно исполнение закона, то государь не меня бы прислал сюда, а свод законов». Генерал-губернаторское управление оставалось прежде всего личностным, что делало имперскую политику на окраинах многовариантной и непоследовательной. Смена персонажа на генерал-губернаторском посту нередко означала изменение правительственного курса в отношении данной окраины и являлась отражением сложного «расклада» сил в петербургских правительственных и сановных кругах.

Несмотря на наличие особых инструкций, генерал-губернаторская власть в империи так и осталась с неустойчивым статусом и нечетко определенной в круге полномочий, что в случае конфликта, интриг в регионе или в столице, могло ставить генерал-губернатора в весьма уязвимое положение. Тому примеров в сибирской истории, начиная с показательной казни в петровскую эпоху сибирского губернатора М.П. Гагарина, предостаточно.[10] Неопределенность правового положения генерал-губернатора нередко порождала конфликты, когда за личными столкновениями царских сановников могли скрываться системные изменения самой имперской структуры власти. Между тем, на протяжении XIX века статус генерал-губернатора постепенно менялся в сторону его поглощения бюрократической системой «легального управления», очерченной более строгими нормативно-правовыми рамками. В «имперской географии власти» Азиатской России в XIX в. институт генерал-губернаторства рассматривался как временный, имеющий «переходную форму», которая должна обеспечить «путем последовательных преобразований введение окраин в тот устойчивый административный строй, приданный европейским губерниям, который, представляя свободу и развитие в пределах областных интересов, поддерживает объединение действий в руках центральных учреждений».[11]

В имперских «сценариях власти» генерал-губернаторы разыгрывали роль особо доверенного лица царя, подкрепляя тем самым монархический принцип государства. Эту непосредственную связь с императором они постоянно ощущали и всячески стремились поддерживать, демонстративно отделяя себя от прочих чиновников империи. Поэтому генерал-губернаторы столь ревниво относились к авторитету своей власти, а покушение на нее подавали как угрозу потери верноподданности населения. Особое значение придавалось престижу власти представителя монарха, «внешнему блеску» и личному «обаянию» его персоны. С осо-

10 Четверо из семи сибирских генерал-губернаторов второй четверти XIX века вынуждены были оставить свой пост в Сибири не по своей воле, вызвав серьезное недовольство петербургских властей и императора.

11 Журнал Особого совещания по административному переустройству Азиатской России (1882 г.) // Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1284 [Министерство внутренних дел], оп. 60, 1882 г., д. 47, л. 166.

бой тщательностью генерал-губернаторы заботились об антураже своей власти (дворец, приемы, балы, свита, чиновники для особых поручений, почетный конвой при поездках, продуманный церемониал встреч туземных подданных, приемов иностранных делегаций и т. п.).

Все жалобы на генерал-губернаторов, поступавшие в высшие государственные инстанции, должны были предварительно сообщаться царю, и только он был волен избрать форму проверки их справедливости. При оценке действий сибирских генерал-губернаторов верховная власть нередко колебалась между восстановлением справедливости и сохранением их авторитета в глазах подданных. Однако усиление контроля центра путем сенаторских и министерских ревизий, либо организации независимого от генерал-губернатора жандармского надзора грозили подорвать авторитет высшей региональной власти и отрицательно сказаться на имидже самого монарха. Показательно, что именно на такой трактовке своего положения в регионе настаивали сами региональные начальники. Восточносибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев (будущий граф Амурский) откровенно разъяснял в письме 1 сентября 1856 г. военному министру Н.О. Сухозанету: «Особенное доверие Государя к генерал-губернатору Восточной Сибири необходимо и потому, что его нельзя облечь теми званиями, коих требует важность этого места; но звания эти ограждают от ответственности перед законом, следственно генерал-губернатор Восточной Сибири, не имеющий этого ограждения, должен, по крайней мере, быть убежден, что Государь его не обвинит и не предаст суду законов».[12]

В таких условиях для генерал-губернаторов важно было сохранить личное главенство в регионе, выстроить формальную и неформальную структуру власти, добиться устойчивого положения в столице империи, что было всегда нелегкой, но чрезвычайно значимой задачей. Из Петербурга исходила главная угроза, которая могла в ситуации правовой аморфности генерал-губернаторской власти привести к отставке за превышение власти или за нерешительность в ее применении. Генерал-губернаторы должны были постоянно заботиться о поддержании монаршего доверия к себе, опасаясь быть отодвинутыми конкурентами. Главными среди них были министры, которые стремились провести на губернаторские посты своих ставленников или поставить региональных администраторов в большую зависимость от указаний центра. Ревизии, тайный надзор жандармов, а то и просто доносы в такой ситуации были реальной угрозой, с которой генерал-губернаторы должны были считаться и находить эффективное противодействие. Они должны были внимательно следить за столичными делами, подолгу задерживаться в Петербурге, нуждались в союзниках в лице министров (это необязательно мог быть военный министр, с которым генерал-губернатор как командующий войсками, каза-

12 *Барсуков И.П.* Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. М., 1891. Т. 1. С. 472.

лось, был теснее всего связан), членов императорской семьи, а то и просто влиятельных фигур при царском дворе. Эти контакты и союзы носили неформальный характер, были покрыты завесой тайны, что создает дополнительные трудности в постижении логики действий генерал-губернатора в высших петербургских сферах.

Исходя из чувства самосохранения, генерал-губернатор старался иметь могущественных покровителей в столице, стремился окружить себя на месте верными людьми, подавить всяческую оппозицию, и строго следил, чтобы неконтролируемая информация не смогла просочиться наверх. Зачастую не имевшие опыта гражданского управления, как правило, незнакомые с сибирскими условиями, постоянно опасаясь чиновных и купеческих интриг, генерал-губернаторы при отсутствии надежных покровителей в столице и в самой Сибири, могли превратиться в простое орудие в руках сибирской бюрократии. Промахи в управлении и завистливые происки врагов компрометировали главного начальника края в глазах верховной власти. Поэтому, чтобы удержаться на своем посту, генерал-губернатору приходилось вести постоянную борьбу с настоящей или мнимой оппозицией, подавлять всяческое недовольство и лавировать между различными группировками в сибирском обществе. Даже ссыльные декабристы, оказавшись в Сибири, но, сохранив связи с могущественными родственниками и друзьями в Петербурге и Москве, имели шанс повлиять на карьеру генерал-губернатора.

«Омский паша» и центральные ведомства

В полной мере ощутил на себе тяжесть бремени генерал-губернаторской власти князь Петр Дмитриевич Горчаков (1789–1868), пробывший на этом посту в Западной Сибири рекордное для края время – 14 лет (1836–1850 гг.) и заслуживший прозвище «омского паши» (выражение декабриста А.Ф. Бригена). Родовитый потомок Рюриковичей, имевший прочные столичные связи,[13] Горчаков свою карьеру, как многие в его время, сделал на Кавказе.[14] А.П. Ермолов характеризовал его в то время, как «офицера храброго, расторопного и хороших способностей».[15] Кавказский боевой и административный опыт в николаевское время ценился особо, и получавшие назначение на другие имперские окраины, несомненно, переносили его туда, адаптируя к местным условиям.

28 января 1836 г. П.Д. Горчаков занял пост западносибирского ге-

13 Его родной брат М.Д. Горчаков пользовался большим влиянием в военных кругах, в Крымскую войну был главнокомандующим, а позднее занял пост наместника в Царстве Польском.

14 *Е[льницкий] А.* П.Д. Горчаков // Русский биографический словарь. (Гоголь-Гюне). М., 1997. С. 357–358; *Ремнев А.В.* Горчаков Петр Дмитриевич // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 7 (Гермафродит – Григорьев). С. 496.

15 *Записки А.П.* Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 357.

нерал-губернатора. Посетившему в 1837 г. Тобольскую губернию наследнику престола, будущему императору Александру II, Горчаков показался человеком с «благородной душой, который с ревностью принялся за дело».[16] Уже тогда, вспоминал сибирский историк и публицист В.И. Вагин, новый генерал-губернатор «начинал быть грозным» и вгонял в трепет местных чиновников.[17] Один из современников так описывал свои впечатления от знакомства с главным начальником края: «Тогдашний генерал-губернатор Западной Сибири князь П.Д. Горчаков во всех своих наружных проявлениях разыгрывал царька, силясь подражать Государю Николаю Павловичу» и всем чиновникам говорил «ты».[18] Это, по впечатлениям другого современника, был «вельможа-громовержец, имевший большие полномочия в отношении управления краем и применявший их энергично». Однако как большой вельможа, «особого рвения к занятиям по службе не прилагал, собственной инициативой не отличался и вообще был к делам апатичен и ленив».[19]

Судя по всему, к Сибири Горчаков относился лишь как к удобному для размещения ссыльных региону, иначе говоря, смотрел на нее, по словам известного сибирского областника Г.Н. Потанина, как на большую российскую тюрьму. Так, по поводу побега какого-то арестанта, он не без остроумия заметил: «Разве в том большая беда, что человек из маленькой тюрьмы бежал в большую»[20] и настаивал на том, чтобы «сделать Сибирь чувствительною для простолюдинов».[21] Не останавливался Горчаков и перед защитой пыток, вплоть до возможности морить ссыльного во время следствия голодом.[22] Прерогатива судить по военно-полевым законам с вынесением смертных приговоров были закреплены секретной инструкцией, которая вручалась от имени императора сибирским генерал-губернаторам при назначении на должность. У Горчакова существовало своего рода фобия, что сибиряки не питают большой привязанности к России. «Но что будет, – нагнетал страсти Горчаков, – если народонаселение сблизится с англичанами и американцами, которые примут на себя

---

16 Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М., 1999. С. 54.

17 *Вагин В.И.* Мои воспоминания // Мемуары сибиряков. XIX век / Сост. Н.П. Матханова. Новосибирск, 2003. С. 51.

18 *Струве Б.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 4. С. 157–158.

19 *Мартьянов П.К.* В переломе века (Отрывки из старой записной книжки) // Исторический вестник. 1895. Т. 62. С. 436.

20 *Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 111.

21 РГИА, ф. 1265 [II Сибирский комитет], оп. 1, д. 188, л. 13.

22 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 883 [П.Д. Элпидов], т. 1, л. 84.

легкий труд получать от них то, что поныне доставлялось из России, и что в случае нужды они поддержат эту сделку оружием».[23]

Между тем, период генерал-губернаторства князя Горчакова отмечен многими важными событиями, в которых он был призван принимать самое непосредственное участие. Это было беспокойное время, когда в край зачастили ревизоры. Западная Сибирь оказалась в сфере «большой политики» в связи с реформой государственной деревни, попытками упорядочить политическую и уголовную ссылку, активизацией имперской экспансии в Казахскую степь и Среднюю Азию. При нем в Омск окончательно переместилось Главное управление Западной Сибири, и город официально стал столицей огромного края, включившего не только западносибирские губернии, но и степные казахские области. Посетившему в 1842 г. Омск путешественнику И. Белову город представился «постоянно укрепленным лагерем Сибири, или поселением; ибо жителей здесь, кроме военных и служащих по другим ведомствам, иных, почти незаметно».[24] Проезжавший через Омск зимой 1848 г. Б. Струве в свою очередь вспоминал, что это был неприветливый город, «созданный князем Горчаковым единственно в видах военно-административных, близ границы Большой Орды, по которой кочевали непокорные тогда еще и беспокойные Киргизы, Чингиз-Хановы потомки».[25] Геополитический смысл в этом, разумеется, имелся, на что указывал еще 1820-х гг. первый западносибирский генерал-губернатор П.М. Капцевич. Столица Западной Сибири переместилась ближе к границе Степи, где теперь лежали стратегические интересы Российской империи.[26]

Генерал-губернаторскую должность П.Д. Горчаков явно воспринимал как достойное приложение к своему княжескому титулу и старался придать Омску хоть какую-то видимость региональной столицы. Вокруг генерал-губернатора складывался свой «омский свет», устраивались торжественные приемы иностранных гостей и высших российских сановников, праздничные обеды, парады. В Омске, вспоминал Г.Н. Потанин, «было веселее, чем в каком-нибудь другом губернском городе; здесь бывали концерты, спектакли, балы и фейерверки». Сам Горчаков держал себя высокомерно, старался казаться недоступным аристократом, основные усилия тратил на то, чтобы укрепить своей генерал-губернаторский авторитет, безжалостно преследуя за проступки чиновников по военной и гражданской службе, добиваясь удаления непокорных губернаторов.

---

23 Цит. по: *Кубалов Б.Г.* А.И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862). Иркутск, 1958. С. 60. Подробнее см.: *Ремнев А.В.* Призрак сепаратизма // Родина. М., 2000. № 5. С. 10–17.

24 *Белов И.* Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852. С. 13.

25 *Струве.* Воспоминания о Сибири. С. 158.

26 Подробнее см.: *Безвиконная Е.В.* Геополитическое пространство Степного края: Омская область и проблема границы в государственном строительстве Российской империи (20–30-е гг. XIX в.) // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 371-378.

Как отмечал жандармский подполковник Черкасов 5-ый, губернаторская власть в Тобольской губернии была поглощена окружающими генерал-губернатора лицами. В таких условиях губернатор, писал он, «есть только страдательное лицо, не имеющее и тени власти, определенной «Сибирским учреждением». Ни один чиновник в губернии не представляет столь разительной противуположности, с одной стороны, по безусловной зависимости, а с другой – по примерной холодности подчиненных мест и лиц, часто переходящей в неповиновение, а потому этот пост сделался столь сомнительным, что в течение последнего двадцатилетия здесь было 9-ть гражданских губернаторов, из коих большая часть сделались или жертвою интриг, или собственной неосторожности с весьма неприятными для них последствиями».[27] На плачевное состояние управления Тобольской губернией из-за частой смены губернаторов указывал в 1840 г. и начальник Сибирского округа корпуса жандармов генерал-майор Н.Я. Фалькенберг.[28]

Вверяя Горчакову управление Западной Сибирью, Николай I предупреждал его, что в «столь отдаленном крае» он найдет много «беспорядка и злоупотребления». И генерал-губернатор принялся их искоренять как мог, окружив себя чиновниками для особых поручений, прозванных в Омске «бульдогами», которые беспощадно карали всех замеченных в злоупотреблениях и нарушениях правил службы, совершенно не заботясь о правовой стороне дела. Как это часто случалось с сибирскими генерал-губернаторами, у Горчакова появились свои любимцы среди чиновников, в их числе называли штаб-офицера А.А. Мартена, которого «боялись не только в Омске, но и на далеких окраинах Сибири; говорили, что он бессердечен по принципу, а зол по природе».[29]

Так, генерал-губернатор посчитал «сословие казачьих офицеров особенно испорченным, и принялся исправлять его, налагая беспощадные кары на провинившихся». Выходец из казачьей среды, сам несколько лет прослуживший в Сибирском казачьем войске, Г.Н. Потанин вспоминал, что от генерал-губернаторского произвола пострадал его отец есаул Н.И. Потанин. Потанина-старшего не спасло даже столь испытанное сибирское средство, как взятка, и он только бесполезно распродал свои многочисленные табуны и разорился.[30] Впоследствии в статье «К характеристике Сибири», опубликованной в «Колоколе» в 1860 г., Г.Н. Потанин писал, что Горчаков «окружил себя бездельниками, которые бичевали страну доносами и шпионством. Бесчисленное множество чиновников было

---

27 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 109 [III Отделение Собственной его имперского величества канцелярии], I эксп., оп. 10, 1835 г., д. 186, л. 43–44.

28 ГАРФ, ф. 109, I эксп., оп. 15, 1840 г., д. 198, л. 7.

29 *Мартьянов*. В переломе века. С. 439.

30 *Потанин*. Воспоминания. С. 26, 29.

разжаловано или разорено за взятки и казнокрадство, а ни то, ни другое не уничтожилось. Доносчики и шпионы были первыми взяточниками и казнокрадами».[31] Эту оценку разделял и декабрист В.И. Штейнгейль, который в 1843 г. жаловался начальнику корпуса жандармов Л.В. Дубельту, что при Горчакове установился «самый низкий и гнусный сикофантизм, питаемый и покровительствуемый в Омске».[32]

Отправляясь в Сибирь, П.Д. Горчаков добился права в особо важных случаях обращаться напрямую к императору, помимо министерств. С особым рвением он отстаивал управленческую обособленность Сибири, настаивал на пересмотре «Сибирского учреждения» 1822 года и требовал расширения генерал-губернаторских полномочий. В противном случае, заявлял он, в крае «возродится беспорядок и безначалие».[33] В письме к министру внутренних дел 15 июня 1839 г. Горчаков демонстративно напоминал, что сибирские губернии «не могут быть совершенно подведены под общие правила» и «надлежит действовать с крайней осмотрительностью, дабы частным усовершенствованием не исказить целого, в состав коего входят другие отрасли государственного управления в размере почти равном Министерству внутренних дел».[34] Главной особенностью Сибири, доказывал он, является местная централизация надзора в Главном управлении под непосредственным руководством генерал-губернатора. Наличие совета Главного управления было основной особенностью управления Сибири, введенной М.М. Сперанским, однако независимого положения это учреждения приобрести не смогло, и оказалось фактически в подчиненном положении у генерал-губернатора и его личной канцелярии. Ослаблять генерал-губернаторскую власть в Сибири, за тысячи верст от столицы, настаивал Горчаков, «невозможно без ущерба для службы, потому что в Тобольске и Томске ни достаточного наблюдения, ни своевременных разрешений от Министерств ожидать нельзя». Генерал-губернатор ревниво следил за тем, чтобы губернские учреждения поддерживали отношения с центральными ведомствами только через Главное управление, или ставя в известность генерал-губернаторскую канцелярию. До нас дошло весьма резкое по тону письмо, в котором Горчаков, не стесняясь в выражениях, напоминал министру внутренних дел графу А.Г. Строганову, «что вы ни мне, ни моим предместникам не начальник и не судья, что нет закона, подчиняющего генерал-губернаторов вашему сиятельству», что генерал-губернатор зависит, как и министры, только от Сената, что он и чином выше Строганова, «а потому покорнейше про-

31 Колокол. М., 1962. Вып. III. С. 604.

32 *Штейнгейль В.И.* Сочинения и письма. Иркутск, 1985. С. 245.

33 П.Д. Горчаков – А.Х. Бенкендорфу, 27 декабря 1836 г. // ГАРФ, ф. 109, I-эксп., 1836 г., оп. 11, д. 285, л. 4–5.

34 ГАОО (Государственный архив Омской области), ф. 3 [Главное управление Западной Сибири], оп. 2, д. 1805, л. 149–150, 205.

шу вас милостивый государь, на будущее время предоставить суждение о моей службе Его императорскому величеству».[35] Обиженный Строганов пожаловался на строптивого генерал-губернатора Николаю I, и по этому поводу последовал даже высочайший выговор. Конечно, Горчаков был человеком «чрезвычайно вспыльчивого нрава»[36] и не сдержал своего раздражения по поводу замечания министра, но этот персональный случай был лишь проявлением заложенных в системе государственного управления противоречий отраслевого и территориального принципов, централизации и деконцентрации власти.

Столкнувшись с противодействием центральных ведомств, прежде всего Министерства финансов, от которого зависели не только денежные ресурсы края, но и управление Алтайскими горными заводами, Горчаков стремился и здесь удержать все нити управления в своих руках. Недовольный независимым положением горных чиновников и назначаемого из их среды, по представлению Кабинета Его Императорского Величества и Министерства финансов, томского губернатора, он резко высказался против административной обособленности Алтайского горного округа. Князь в течение нескольких лет конфликтовал с томским губернатором, сначала Н.А. Шленевым, а затем Ф.Ф. Бегером. Во всеподданнейшем донесении 5 октября 1837 г. он прямо заявил, что потерял «всякую надежду водворить порядок в Томской губернии»,[37] утверждая даже, что томский губернатор вышел из подчинения главному местному начальству Западной Сибири, заручившись поддержкой министра финансов Е.Ф. Канкрина. В Алтайском горном управлении он обнаружил «тайные связи» чиновников с золотопромышленниками, о чем с настойчивым постоянством доносил в Петербург. В своем докладе Николаю I Горчаков попытался нагнать на императора страху, утверждая, что притеснения золотопромышленников и потворство местному горному начальству со стороны Н.А. Шленева истощит терпение рабочих и приведет к серьезным беспорядкам.[38] В противном случае, не преминул он лишний раз заметить, «тайные связи по золотопромышленности и существующие козни, всегдашняя язва Сибири, не прекратятся; наипаче последние, когда министром финансов допускаются мимо меня прямые с собой сношения, по делам Высочайшей волей подлежащим рассмотрению Главного управления».[39]

---

35 Цит. по: *Соколовский М.К.* К характеристике императора Николая Павловича // Исторический вестник. 1908. Т. 113. С. 550–551.

36 Записки Иосифа Петровича Дубецкого // Русская старина. 1895. № 6. С. 138.

37 РГИА, ф. 1409 [I Отделение Собственной его императорского величества канцелярии], оп. 2, д. 6166, л. 1.

38 Там же, л. 2.

39 ГАРФ, ф. 109, I эксп., оп. 11, 1836 г., д. 285, л. 7.

Так же Горчаков потребовал непосредственно подчинить Главному управлению Западной Сибири дорожное и строительное дело. Иначе, предупреждал генерал-губернатор, чиновники, оставленные вне местного высшего надзора, могут вовлечь столичное Главное управление путей сообщения и публичных зданий «в заблуждение, сокрытием обстоятельств, коих дознание в Санкт-Петербурге самой бдительнейшей и строгой поверке недоступно».[40]

Недоволен Горчаков был и относительно независимым положением прокуратуры в крае. Прокурорский надзор, доказывал он, должен входить в общую административную систему и служить вспомогательным орудием для главного сибирского начальства. В 1842 г. генерал-губернатор обратился к министру юстиции В.Н. Панину с просьбой уволить томского стряпчего. Панин согласился, но кандидатуру на освобождавшееся место стал подыскивать через томского губернатора. Это вызвало очередной взрыв негодования Горчакова. В результате разбираться пришлось уже Комитету министров. Комитет встал на сторону своего члена, заявив, что министр руководствовался в данном случае лишь интересами службы. К тому же, полагали в Комитете министров, министры имеют право обращаться напрямую к губернаторам для получения различных сведений, в противном случае всякое посредничество между ними будет только умножать бесполезную переписку. При этом Горчакову было сделано замечание в употреблении в отношении министра выражений, «несоответствующих порядку службы». Николай I также нашел замечания Комитета министров справедливыми. Но в итоге, после некоторых препирательств Горчакова с Комитетом министров, император пошел на уступку, повелев «впредь избегать подобных недоразумений, сносясь предварительно с генерал-губернаторами».[41] В письме министру юстиции 27 декабря 1843 г. Горчаков торжествующе извещал, что приказал прокурорам сообщать ему обо всех министерских предписаниях, в том числе и секретных, не преминув подчеркнуть, что генерал-губернатор является главным лицом в крае, от которого не может быть каких-либо тайн.

Важной прерогативой генерал-губернатора являлась возможность влиять на назначение сибирских чиновников. Закон наделял генерал-губернатора правом назначать и увольнять чиновников до VI класса по «Табели о рангах» включительно. Однако генерал-губернаторы были недовольны тем, что их власть не распространяется на всех местных чиновников. Горчаков настаивал на таком праве, иначе при отдаленности Сибири от Санкт-Петербурга, заявлял он, это породит «неминуемую

---

40 ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 2433, л. 34.

41 Цит. по: *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. II. Ч. I. С. 124–125.

медленность в замещении вакансий и самом делопроизводстве».[42] Во многом благодаря его настойчивости в кадровом вопросе в 1842 г. был принят закон о преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях империи.

Горчаков не обладал смелостью реформатора и зачастую, наоборот, старался свести на нет многие преобразовательные планы, разрабатываемые в центре. Свое кредо он изложил в одном из писем к министру юстиции: «Я той мысли, что всякое нововведение в образе управления должно быть основано на крайней необходимости, т. е. ощутительном недостатке прежнего учреждения, дознанным местным опытом и подтвержденном примерами и фактами, а не одними умственными соображениями или с тем, чтобы подвесть под единообразие то, чему, при отдаленности Сибири, противится вся система ее управления, повелительно требующая централизации местной и таковой же власти надзора и исправления, которых ожидать из Петербурга невозможно без очевидного неудобства».[43]

Настороженно отнесся Горчаков к перспективе распространения на Сибирь реформы государственной деревни, проводимой министром государственных имуществ графом П.Д. Киселевым. Отправленная в Западную Сибирь ревизионная комиссия Министерства государственных имуществ натолкнулась на откровенный саботаж местных чиновников, за которыми стоял сам Горчаков. Не успела комиссия прибыть к месту назначения, как в Петербург полетела депеша от генерал-губернатора, который поспешил объявить, что комиссия в принципе не в состоянии выполнить поставленные перед ней задачи.[44] В ход было пущено даже запугивание крестьянскими волнениями, которым, уверял западно-сибирский генерал-губернатор, местная администрация не сможет противодействовать. В ответ П.Д. Киселев откровенно указал на корыстные интересы сибирской администрации: «При укоренившемся там издавна порядке управления постороннее вмешательство пугает все власти; для них не только страшно лишиться выгод, с которыми они свыклись, но самое ожидание перемены, препятствуя обычному ходу дел и спекуляций, возбуждает опасение и тревогу».[45]

Особое беспокойство имперским властям доставляла многолетняя борьба с Кенесары (Кенисары) Касымовым, этим, по определению П.П. Семенова-Тян-Шанского, «отважным Митридатом Киргизской степи».[46] Горчаков с самого начала движения Кенесары занял непримиримую позицию по отношению к нему. Он ревниво следил за действиями

---

42 ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 2338, л. 17.

43 ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 1965, л. 76.

44 ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 1927, л. 4.

45 *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 2. С. 160.

46 О восстании подробнее см.: Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова. Алматы, 1996.

оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского, склонного к умиротворению мятежного султана. Это привело к открытому столкновению двух генерал-губернаторов. По накалу обвинений переписку между ними современники сравнивали с известными письмами царя Ивана Грозного и князя Курбского. Вслед за своим начальством в эту ведомственную перебранку были втянуты и местные чиновники, дело доходило до доносов не много ни мало, как в государственной измене.[47] Только с назначением в Оренбург нового генерал-губернатора В.А. Обручева, Горчакову удалось найти общий язык в вопросе о согласованных действиях против Кенесары.

И это далеко не полный перечень акторов, с которыми генерал-губернатору приходилось сталкиваться и конкурировать в Западной Сибири, опасаясь навлечь неудовольствие их начальства и покровителей в Петербурге.

Горчаков и декабристы: дела государственные и семейные

Существенной проблемой управления азиатскими окраинами были не только скудость финансов и других материальных средств, но явный недостаток подготовленных кадров, а то и просто образованных людей. Одна из современниц описываемого времени М.Д. Францева вспоминала, что «в начале своего управления Горчаков держался твердых и честных правил» и окружил себя хорошими помощниками. Не чуждался он общения и со ссыльными декабристами, а в 1838 г. даже испросил разрешение перевести декабриста С.М. Семенова в Главное управление, назначил его начальником 2-го отделения и, кроме того, дал ему весьма деликатное поручение – расследовать дела, решенные И.Д. Талызиным, когда тот занимал пост омского областного начальника.[48] Сотрудничество начальника края с декабристами, несомненно, было опасным и могло бросить тень на его политическую репутацию. Обиженный генерал-губернатором Талызин не преминул донести в III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии (далее, III Отделение), что Горчаков попал под влияние государственных преступников. Конечно, о каком-либо значительном воздействии декабристов на генерал-губернатора вряд ли можно говорить, но, в то же время, нельзя не заметить, что в начале своего управления Горчаков, нуждаясь в опытных и знающих Сибирь людях, ежедневно советовался с Семеновым по делам Главного управления. Бывая в Тобольске, он запросто заезжал к своим родственникам Фонвизиным, не отказывал он декабристам и в их житейских просьбах.

---

47 *Середа Н.* Бунт киргизского султана Кенесары Касымова (1837–1847 гг.) // Вестник Европы. 1870. № 8. С. 568.

48 Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 217.

49 В другой части Сибири, в Иркутске, под такое подозрение в разное время уже подпадали местные генерал-губернаторы.

Со временем, однако, отношение Горчакова к декабристам резко изменилось. И на то было несколько причин. Генерал-губернатор начал опасаться, что сближение с государственными преступниками может повредить его репутации в глазах высшего начальства.[49] Уже в июле 1840 г. М.А. Фонвизин пишет И.Д. Якушкину, что Горчаков готов покровительствовать декабристам, но боится, что это может не понравиться в Петербурге. Весной следующего года С.М. Семенов говорил своим товарищам, что «князь от него таится». Окончательно испугало генерал-губернатора «дело» декабриста М.С. Лунина, несмотря на то, что это событие произошло в Восточной Сибири.[50] Уже в июле 1841 г. в письме к тому же Якушкину Фонвизин прямо заявлял, что Горчаков трус и «боится навлечь на себя подозрение в благорасположеньи к нам, в чем его уже упрекали».[51] Насторожило генерал-губернатора и то, что В.И. Штейнгейль сблизился с тобольским губернатором М.В. Ладыженским, помогал последнему в составлении некоторых документов, в том числе «прокламации», призывавшей крестьян к спокойствию во время «беспорядков» 1843 года в Курганском округе. В результате Штейнгейль был выслан из Тобольска в Тару, а к графу А.Х. Бенкендорфу в III Отделение последовал донос Горчакова. В нем генерал-губернатор сообщал, что предупреждал Ладыженского, «сколь неуместен ему такой руководитель», но тот не только не принял совет во внимание, но даже учредил в Тобольске особую тайную канцелярию «для удобнейшей только там переписке бумаг, секретным образом составленных Штейнгейлем».[52] Заподозрив Ладыженского в политической неблагонадежности, Горчаков поспешил от него в 1844 г. избавиться.[53] В ответ же на просьбу Штейнгейля о переезде из Тары в Тюмень Горчаков в январе 1845 г. написал новому шефу жандармов графу А.Ф. Орлову, что там Штейнгейль «приобрел бы возможность свободного сообщения со всею Россиею – и обширное поле к козням, коими он в продолжение всей своей жизни отличался».[54]

Еще более показательны для характеристики взаимоотношений генерал-губернатора и декабристов гонения, которым подвергся А.Ф. Бриген только за то, что, будучи заседателем курганского окружного суда, вступился за крестьянина Власова, бездоказательно обвиненного в убийстве. Примечательно, что незадолго до этого Горчаков осыпал Бригена похвалами. Особенно обозлило генерал-губернатора попавшее ему в

---

50 О «деле» М.С. Лунина см.: *Окунь С.Б.* Декабрист М.С. Лунин. Л., 1985. С. 242, 251–252; *Эйдельман Н.Я.* Лунин. М., 1970. С. 296–297; *Сафонов М.М.* Неизвестный Лунин. Иркутск, 1993. С. 18, 31–32, 39–42.

51 *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 181, 215.

52 *Штейнгейль*. Сочинения и письма. С. 522.

53 *Мамсик Т.С.* Сибирская администрация и крестьянское движение 1840-х годов («Предписание» М.В. Ладыженского исправникам) // Политика самодержавия в Сибири XIX–начала XX в. Иркутск, 1988. С. 5, 12, 13.

54 *Штейнгейль*. Сочинения и письма. С. 523.

руки письмо Бригена с нелестными оценками по его собственному адресу, а также то, что декабрист осмелился жаловаться на произвол сибирских властей начальнику корпуса жандармов Л.В. Дубельту. Затем последовали генерал-губернаторские доносы в Петербург и на других декабристов. В январе 1851 г. Бриген сообщил Е.П. Оболенскому, что «его сиятельство крайне раздражен против всех наших тобольских и в особенности Фонвизина и что он на них написал какую-то клевету в Петербург».[55]

М.Д. Францева, ссылаясь на некое письмо из Омска, описывала панический ужас, охвативший Горчакова из-за небольшой оплошности при этапировании ссыльных петрашевцев: «Здесь пресмешная комедия была. Князь, получивший в первый раз предписание о присылке в Сибирь этих несчастных, распорядился тотчас же о развозе их по назначенным местам тоже на почтовых, как они прибыли из Петербурга; на другой день приходит к князю начальник штаба и уверяет, что их следовало отправить по этапам пешком, а не по почте и что за это князь может получить неприятность. Князь испугался, послал было тотчас же адъютанта своего на курьерских в Тобольск, чтоб остановить свое первое распоряжение, но было уже поздно, адъютант встретил по дороге едущих в Омск Дурова и Достоевского и узнал, что прочие тоже отправлены и что их никак не догонишь. На князя напала страшная трусость, пошли вздохи и жалобы; он только и твердил окружающим его, что вот долголетняя служба его должна пропасть, что он ожидает каждую минуту, что прискачет из Петербурга фельдъегерь, посадит его в сани и увезет за тридевять земель; ничем заниматься не мог, только это в голове у него и было».[56]

К размолвке Фонвизиных с генерал-губернатором привели и чисто семейные обстоятельства. Жена Горчакова, близкая родственница Н.Д. Фонвизиной, находясь фактически в разводе с мужем, покинула Сибирь. Кроме того, Горчаков затеял судебную тяжбу о наследстве с собственными дочерьми, и, естественно, Фонвизины встали на сторону последних. Для большей надежности Горчаков передал дело в тобольский суд, но неправому решению не удалось свершиться из-за принципиальной позиции губернского прокурора Д.И. Францева, близкого знакомого Фонвизиных. Горчаков «бесился неимоверно», вспоминала дочь губернского прокурора.[57] В итоге Горчаков стал по мелочам преследовать декабристов и членов их семей. Н.Д. Фонвизина писала Я.С. Знаменскому в Ялуторовск, что «князь и его угодники, в чем только можно, в самых безделицах пакостят, особенно мне, а чрез меня не только нашим, но и прокурору».[58] Однако Фонвизина не отступила и обратилась к графу А.Ф. Орлову, а за-

55 *Бриген А.Ф.* Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 287–288.

56 Цит. по: *Громыко М.М.* Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. Новосибирск, 1985. С. 8.

57 Цит. по: Дум высокое стремленье. Иркутск, 1975. С. 304.

58 Литературный сборник. СПб., 1885. С. 234.

тем и самому царю. Конечно, столь независимая позиция декабристов и членов их семей, сохранивших столичные связи, не могла не вызывать негодования Горчакова, который считал свою власть в крае безграничной.

Жандармы и падение князя Горчакова

Роковую роль в карьере П.Д. Горчакова сыграли жандармы, положение которых в местном управлении, хотя и не была четко определено, однако имело весьма важное значение. В 1833 г. был создан VII (а с 1837 г. – VIII) (Сибирский) жандармский округ с центром в Тобольске, а с 1839 г. – в Омске. В каждой губернии появился жандармский штаб-офицер с довольно широкими полномочиями. Этому способствовало и сосредоточение здесь наиболее опасных противников режима – ссыльных декабристов. Пользуясь своим независимым положением и покровительством всесильного III Отделения, жандармы на первых порах «совали повсюду свой нос» и не останавливались перед критикой сибирских порядков. Критический пафос в настроениях жандармов, отсутствие чиновной угодливости перед местными властями привлекали на их сторону, как это ни выглядит странно, симпатии ссыльных декабристов. Еще одно объяснение столь парадоксальной ситуации кроется в том, что жандармские офицеры так называемого «бенкендорфовского призыва» действительно разительно отличались в лучшую сторону от большинства погрязших в бюрократической рутине, взятках, коррупции и интригах сибирских чиновников. В надзоре за чиновниками всех рангов III Отделение зашло довольно далеко. В жандармских рапортах «невзирая на лица» давались характеристики не только мелких служащих, но губернаторов и генерал-губернаторов. В результате конфликта с жандармами (на стороне которых оказался и бывший декабрист, исполняющий обязанности тобольского губернатора А.Н. Муравьев) вынужден был оставить в 1834 г. генерал-губернаторский пост в Западной Сибири И.А. Вельяминов. Следующий генерал-губернатор Н.С. Сулима также вынужден был уйти в результате интриг, в которых заметную роль сыграли жандармы.

Горчаков попал в перечень тех, о ком жандармы хотели бы иметь более подробную информацию. В одном из отчетов, поданных шефом жандармов Николаю I о сибирских генерал-губернаторах отмечалось: «Как об одном, так и о другом в течение года были получаемы различные сведения: иные хвалят, другие порицают их действия, но по отдаленности края нет возможности судить о них безошибочно».[59] В последующие годы этот контроль нарастал, хотя генерал-губернатор и предпринял некоторые превентивные меры, чтобы поставить жандармских чинов под свой надзор.

59 Нравственно-политический отчет за 1843 год // «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869 . М., 2006. С. 329.

Однако, в конце 1850 года произошло «что-то таинственное: князь Горчаков заскучал, заскучал, и уехал в Петербург, где он провел несколько месяцев и назад в Омск не вернулся».[60] Секрет был прост – «cherchez la femme», как говорят французы. У генерал-губернатора появилась фаворитка, которая, судя по запискам П.К. Мартьянова, играла такую же роль, «какую Мина исполняла при графе В.Ф. Адлерберге».[61] Ее влияние было весьма велико: «Это была особа с <...> положением в обществе, которую посещало все местное начальство и знали обыватели не только Омска, но и других городов Западной Сибири. У нее были официальные приемы и домашние обеды, на которых почти каждый день обедало по десяти и более человек, заискивавших с ней для будущего или прибегавших под ее защиту в настоящем. <...> Все наиболее интересные курьезы по внутреннему управлению и столкновения, а также всякие дела, начиная с подрядов и поставок, назначений и перемещений и командировок, и кончая взысканиями, следствием и судом, имели в ней примирительницу и предстательницу, и редко когда ходатайство ее оставалось без последствий».[62] 14 октября 1850 г. начальник VIII округа корпуса жандармов генерал-майор К. Влахопулов отправил в Петербург записку с грифом «весьма секретно». Записка имела название «О влиянии жены директора Сибирского кадетского корпуса Шрамм и ее дочери Клейст на управление Сибири». В результате своего шестилетнего наблюдения жандармский генерал пришел к заключению, что Александра Родионовна Шрамм, «без всякого преувеличения, мешается во все части управления, <...> по своим видам и всегда достигает своих намерений, даже в отношениях частной жизни, репутация всех основана на ее мнении, и все те, кои не снискали ее внимания, или почему-либо потеряли его, чувствуют это в лице Начальника края...».[63] В другом донесении, на этот раз уже на имя Л.В. Дубельта, Влахопулов прямо утверждал, «что жена генерал-лейтенанта Шрамм находится в непозволительной связи с г. генерал-губернатором, это положительно верно, почти достоверно и то, что и дочь первой полковница Клейст в одинаковых с матерью отношениях к Его Сиятельству». При этом, понимая, чем может ему может грозить гнев со стороны все еще могущественного генерал-губернатора, Влахопулов просил Дубельта сохранить в тайне его донесение, ибо Горчаков и без того «любить меня не может, потому что ненавидит наш корпус».

---

60 *Мартьянов*. В переломе века. С. 457.

61 Мина Ивановна (урожденная Вильгельмина Гуде), влиятельная фаворитка министра императорского двора графа В.Ф. Адлерберга, выданная замуж за почтового чиновника Буркова.

62 *Мартьянов*. В переломе века. С. 437.

63 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 1, оп. 1, д. 19239, л. 1–2.

Вскоре и в Петербурге стали проявлять недовольство бездеятельностью и самодурством генерал-губернатора. Несмотря на строгую секретность всей этой истории, в ноябре 1850 г. М.А. Фонвизин написал своему брату, что «Горчакова отсюда уберут». Слух об этом (не без помощи декабристов) распространился по всем западносибирским городам. Сам Горчаков предпочитал держаться так, будто ничего не произошло, иногда, впрочем, смущаясь, заявлял: «Меня удивляет, что все это знают, тогда как я ничего не знаю». Еще об одной причине такой перемены к князю в столичных кругах декабрист Бриген писал 10 ноября 1850 г. своему товарищу Е.П. Оболенскому: «Князя ... доехал генерал Барко-Петровский, который отозвался, что Горчаков совершенно расстроил казачье войско».[64] «Горчаковская сволочь», писал он также, пришла в страшную панику. Не обошлось без курьеза. Так, в июне 1851 г. в одной из волостей Томской губернии появилось пятеро бродяг, один из которых, почти по гоголевскому «Ревизору», выдавал себя за флигель-адъютанта Жемчужникова. Очевидно, об этой же истории писал в «Колоколе» и Г.Н. Потанин, сообщая, что от имени Анненкова самозванцы произвели ревизию дел в судебных учреждениях г. Нарыма и заковали в кандалы чиновников.[65]

Об амурных похождениях «омского паши» было доложено Николаю I, который очень резко отреагировал на них. Генерал-адъютанту Н.Н. Анненкову было высочайше предписано срочно отправиться в Омск с секретным поручением, чтобы «без огласки и под рукою» установить истину в столь щекотливом деле.[66] В случае подтверждения доноса, Анненков был наделен полномочиями немедленно отрешить генерал-губернатора от должности. Кроме того, генерал-адъютанту было поручено произвести полную ревизию государственных учреждений Западной Сибири, обратив пристальное внимание на положение дел со ссыльными, что особенно беспокоило в тот момент центральные власти.

Генерал-губернатор, узнав о готовящемся визите ревизора сам поспешил в столицу. Сохранилось весьма любопытное для всей этой истории письмо Горчакова к военному министру, которое тот не преминул показать императору. 23 декабря 1850 г., будучи уже в Петербурге, он писал, что опорочена вся его многолетняя добросовестная служба, на него «взведена гнусная клевета», ссылался на свои «лета» (ему был уже 61 год), в которые «трудно внезапно сделаться чудовищем разврата».[67] 26 декабря 1850 г. Горчаков подал прошение на высочайшее имя об отставке. Когда

---

64 *Бриген*. Письма. Исторические сочинения. С. 343. О реформах П.Д. Горчакова, которые фактически привели сибирских казаков на положение военных поселян, см.: *Андреев С.М.* Военное и гражданское управление в Сибирском казачьем войске (1808–1919). Омск, 2005. С. 61–68.

65 ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 3126, л. 3; Колокол. М., 1962. Вып. III. С. 604.

66 РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 19239, л. 17.

67 Там же, л. 57.

генерал-губернатор был уволен, у пострадавших от него людей радости не было предела. Один из чиновников даже вырезал печать, на которой был изображен умирающий тигр, заколотый гусиным пером, с надписью: «1850 год, декабря 29: день отставки князя Горчакова».[68]

* * *

«Аморальная история» с Горчаковым, очевидно, явилась лишь поводом к его отставке. Существовали более серьезные причины, заставившие петербургские власти обратить пристальное внимание на регион. Менялся общий правительственный курс по отношению к Азиатской России. Об этом, в частности, свидетельствует поручение генерал-адъютанту Н.Н. Анненкову составить «обзор в государственном отношении всех действительных нужд и потребностей края» и последующее учреждение в 1852 г. II Сибирского комитета, где попытались выработать общую программу освоения Сибири.[69] Примечательно, что многие ссыльные декабристы, будучи знакомы с Анненковым, активно помогали ему составить полное представление о порядках, царивших в крае.

С отставкой Горчакова заканчивался «застойный» период в правительственной политике в отношении Западной Сибири и Степного края. Оживление политической и экономической жизни на сибирской окраине и сопредельных к ней территориях требовало государственных деятелей иного, чем Горчаков, масштаба (в этом отношении Западной Сибири повезло меньше, нежели Восточной, где в эти годы начал свою деятельность один из выдающихся людей своего времени граф Н.Н. Муравьев-Амурский). Оценивая состояние сибирского управления, П.П. Семенов-Тян-Шанский писал в мемуарах: «Положение сибирских генерал-губернаторов в половине XIX столетия было, впрочем, нелегкое, и даже того, чтобы сделать что-нибудь действительно полезное для края, нужно было иметь или государственный ум Сперанского, или непреклонную волю Муравьева-Амурского».[70] Ни того, ни другого у П.Д. Горчакова не оказалось.

Кроме того, в казусе с Горчаковым сфокусировались многие управленческие проблемы, имевшие далеко не частный характер. Они указывают на общую природу проблем институциализирования и функционирования генерал-губернаторской власти, механизмы влияния разного рода акторов на нее. Описанные властные коллизии создавали те

68 *Фонвизин*. Сочинения и письма. С. 353–354.

69 Подробнее см.: *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. Глава II. «В ожидании новой административной реформы Сибири: идеи и проекты второй половины XIX в.». Раздел 1. «II Сибирский комитет и его программа».

70 *Семенов-Тян-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М., 1946. С. 46.

непростые условия, в которых приходилось действовать генерал-губернатору, которому, находясь вдали от Петербурга, необходимо было постоянно удерживать доверие монарха. Увеличение каналов информации, поступавшей из региона в центр, делало невозможным контролировать ее, что и поставило Горчакова в столь уязвимое положение. Генерал-губернатор оказывался в своего рода заколдованном круге. Чтобы поддерживать доверие монарха необходимо было лично присутствовать при императорском дворе (как поступил сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель в начале XIX в., окончательно перебравшись в Петербург). Однако, длительное отсутствие в Сибири угрожало обвинениями в упущениях в управлении и утратой личной власти в регионе. В центре были озабочены установлением контроля за генерал-губернаторами, но сделать это открыто было невозможно, не уронив их престижа. Тайный жандармский надзор был чреват интригами, а то и просто клеветой, подпитывая страсть к доносительству. Усиление генерал-губернаторской власти потребовало от самодержавия расширения чрезвычайных мер по организации регионального контроля из центра, участившиеся ревизии вызывались недоверием к той информации, которая поступала из Сибири по обычным официальным каналам. Это привело к поискам дополнительных методов изучения и исправления положения в управлении сибирским регионом.

В окраинном управлении Российской империи существовало как бы две линии реализации самодержавной власти: территориальная и отраслевая. Имея общую природу властных полномочий, нечетко разделенные прерогативы, возможность напрямую апеллировать к монарху, министры и генерал-губернаторы с большим трудом координировали свои действия. Генерал-губернаторская власть в империи так и осталась с неустойчивым статусом и нечетко определенным кругом полномочий, что в случае конфликта, интриг в регионе или в столице, могло поставить генерал-губернатора в уязвимое положение. Хотя в последующем их положение упрочилось, что было связано не столько с большей правовой определенностью статуса генерал-губернатора, сколько с возобладавшим курсом на параллельное конструирование помимо институциональной системы местного управления, персонифицированной власти генерал-губернаторов и губернаторов, находящейся под особым патронажем монарха. В таких условиях, падение их личного престижа могло угрожать не только управленческому механизму, но и политическим устоям государства.